

Поликарпова Мария
(актриса)

12.05.01

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Судьба этой девушки необыкновенна и удивительна. Известная на всю Францию телезвезда, актриса, которая привезла в Канны свой фильм, — это сегодня. А вчера — приехав в Париж туристкой и оказавшись без копейки денег на улице, она прошла все круги ада...

Маша Поликарпова — 2001. — 12 мая. — СС

МАША

Мария
ПОЛИКАРПОВА:
"У меня люкс.
Люкс
независимости"

ДА НЕ
НАША

Сначала я увидела ее на афише: легендарный театр "Мадлен" давал новый спектакль "Сквот". Рядом с известными именами крупно и нагло было выведено "Masha Polikarpova". Потом я стала замечать ее на ТВ: в рекламе, которую крутят с утра до ночи, белокурая голубоглазая Маша в чем-то пушистом и розовом шествует по улице, а все попадающие в ее поле зрения мужчины замирают с открытым ртом.

Надо было сразу понять, что все-все это про нее. И про ее жизнь, по которой она идет уверенно крупными шагами, и про то, как она действует на противоположный пол. Вот сидим мы с ней напротив Эйфелевой башни, в кафе "Трокадеро". Маша наворачивает яблочный пирог со сливками, что-то очень увлеченно говорит и между делом, мимоходом, машет рукой какому-то проходящему мимо гражданину — оказывается, гражданин запомнил ее, сидящую за стеклянной стеной кафе, и Маша ответила: салют, мол, молодец, можешь идти мимо. Говорит она впрямую с французским — например, всякие профессиональные термины типа "репетиция" и "прогон" она даже не знает по-русски. Но я заставляю ее говорить без перескоков с языка на язык: ей только дай увлечься, она и не заметит.

Маша отлично знает французский. Теперь. А тогда, когда она первый раз приехала во Францию, дело обстояло совсем иначе.

— Я приехала сюда в 17 лет, сразу после школы. Поступила в Таллине в педагогический, а перед началом учебного года решила устроить себе каникулы, посмотреть на Эйфелеву башню. Ну вот, приехала. А через две недели вышла замуж.

— Маша, с этого места, пожалуйста, поподробнее.

— Поподробнее получается так: я приехала сюда с мамой — нас пригласила одна мамина знакомая дама, которая здесь жила. Провели полторы недели в Париже, а потом поехали на юг страны, на берег моря, где я и познакомилась с будущим мужем. Я тогда и подумать не могла, что меня приглашали во Францию с умыслом — эта мамина знакомая, как оказалось, хотела сосватать меня своему сыну. И замысел, нужно сказать, удался.

— За две недели? Ну и ну... И ты что, влюбилась с первого взгляда?

— Сразу же. Это был красивейший француз, 27 лет, художник. Вечерами мы уходили на побережье: у него был личный пляж, он брал маленькую яхту и уходил ночью в море, а я сидела и ждала его — все было очень романтично. А потом он предложил мне выйти замуж, сказав, что если я сейчас уеду, то неизвестно, когда вернусь.

Свадьба? Какая свадьба? Все было очень быстро и только для того, чтобы я осталась. Он надел тенниски — как выяснилось в загсе, одну от старой пары, а другую от новой. А я поставила курицу в духовку. Я так мечтала готовить для любимого! Но мне не разрешили, потому что здесь жили по другим правилам, и я не могла даже близко подходить к плите. Однако в день свадьбы мне все-таки позволили запечь курицу в духовке. Впрочем, когда мы вернулись из загса, она сгорела. Так вот и началась наша семейная жизнь. Да. Он заставлял меня читать "Мадам Бовари", а я высказывала свое мнение о его картинах.

— Идиллия...

— Идиллия, после которой мы грозно ссорились. Верши, мы совершенно не сходились харак-

терами. У меня было советское воспитание: я хотела жить в доме мужа и заниматься им. И только им. А у него воспитание было французским, а натура — артистической: он считал, что каждый должен что-то делать в жизни и не мешать другому. Поэтому мы жили так: я в Париже со свекровью, а он — художник и творец — в доме на юге Франции. Я, чтобы не сойти с ума, пошла в театральную школу.

— Почему же "чтобы не сойти с ума"?

— Потому что тогда меня ничто не интересовало. Кроме одного — я вышла замуж и хотела быть с мужем 24 часа в сутки. Все остальное время, когда я с ним не была, я плакала. Или развлекала свекровь. Ты знаешь, какой образ жизни я вела? Мы просыпались рано утром, и мне сразу становилось скучно: приемы, чаи, ужины, дамы-буржуа лет на 20 как минимум старше меня. Продолжаться это могло еще очень много лет. Поэтому я пошла учиться в театральную школу, а затем и вовсе решила уйти из дома. Когда я сообщила о своем решении свекрови, она ответила: "Люди слишком быстро привыкают к люксу, шике и роскоши. Вернешься к вечеру. Куда ты денешься?". Но я ушла и не вернулась. Куда ушла? А в никуда.

— Просто собрала чемоданы и...

— Какие чемоданы? У меня не было даже сумочки. Все, что было в том доме, принадлежало жене любимого сына. А я решила от сына уйти. Вот и ушла — в никуда и ни с чем. У меня не было даже чеховой книжки.

— ...Слушай, — неожиданно говорит она, — зачем это все нужно рассказывать? Я понимаю, может быть, тебе это очень интересно, но мне вспоминать тот период вообще не хочется. Да, это кусок в моей жизни, который помог мне стать сильнее, без него не было бы моего будущего. Но говорить о нем я совершенно не хочу... Понимаешь?

— Нет. Я не понимаю. Я не понимаю, как ты выжила. Сколько тебе было лет — 18? Ни образования, ни языка на должном уровне, ни денег, в чужой стране. В такой ситуации самый оптимальный путь — на панель. Кушать-то хочется.

— А я недолго сидела и думала. Поэтому я пошла на проходивший тогда в Париже Салон моды и предложила свои услуги как манекенщица. И меня сразу же отобрали на несколько дней, на шоу, показывать коллекции. А через пять дней ко мне подошли люди и пригласили на хорошую работу — ездить по миру и показывать коллекцию меховых вещей с другими манекенщицами. Это была жизнь! Три месяца я показывала шубы богатым дамам, ездила в разные страны, нужно сказать, очень неплохо жила. А потом, когда эта работа закончилась, я вернулась в Париж. Нашла себе комнату — ну знаешь, которые здесь почти во всех домах на верхних этажах — комната для прислуги? Вот там я и поселилась. И устроилась на работу к одной женщине, которая шила шляпы. Шел турнир Ролан Гаррос, и у нее был огромный заказ на какое-то безумное количество шляп с логотипами. Их я и стала шить.

— Ты где-то специально этому училась?

— Да нигде я не училась. Меня спросили: "Умеешь шить?" Я ответила: "Конечно, умею!" Кушать-то хотелось. Я тебе больше скажу: эта шляпница должна быть мне благодарна за то, что у я у нее в мастерской оказалась. Однажды я обшивала какую-то шляпу, и у нее отвалились поля. Поскольку шляпки были наперечет, я разрешила другую, из совершен-

но чужой партии, коричневую, и пришла коричневые детали к отвалившимся серым полям. Эту шляпу случайно увидел Кензо. И тут же сделал даме заказ. Так, благодаря моей ошибке, она получила первую серьезную работу.

— Ну она тебя отблагодарила как-нибудь?

— Ты что, я же шляпку поломала! А почти сразу после того случая я и вовсе ушла от нее. Почему? Наверное, нашла какую-то другую работу.

— Видимо, ты сменила много профессий...

— Очень много, не то слово. Я была даже медсестрой.

— У тебя что, есть медицинский диплом?

— Какой диплом?! Мне приятельница сказала: "Маша, у моего знакомого дантиста нет медсестры. Не хочешь пойти поработать?" Я пришла, сказала, что я медсестра, но диплом забыла дома. О'кей.

Начинается рабочий день, и нужно готовить инструменты. Как? Какие инструменты? Я же ничего в этом не понимаю. Конечно, я тут же сообщила: "Понятия не имею, что где: по-русски они совсем не так называются". Ну ладно, разобрались кое-как. Потом приходит клиент — ему, как сейчас помню, лазером подрезали десну, подгоняли вставную челюсть. А я, медсестра, должна держать у него во рту какие-то трубочки. Понятно, что как только клиент открыл рот, я приобрела такой оттенок лица, что дантист моментально все понял, сказал: "Иди в подсобку за инструментами". И сам вышел следом: "Ну что, — говорит, — диплома-то нет?" — "Нету", — говорю. И рыдаю... Он меня все-таки оставил. К клиентам, конечно, не подпускал, но за два месяца у него резко повысилось число посетителей: у всех вдруг зубы заболели. Кино!

Как раз в то время шли съемки сериала "Первый поцелуй". Терять мне было нечего, я решила рискнуть, пошла на кастинг. И меня, представь, выбрали. Пять месяцев я снималась в этом сериале в роли болгарки Светланы. И, может быть, снималась бы еще дольше, если бы не забеременела. Но если в "Элен и ребятах" еще можно было бы сниматься беременной, то здесь, в "Первом поцелуе" вообще был детский сад, беременность никаким боком бы не прошла.

— Во время беременности ты не боялась, что больше не будет вообще никакой работы: вот родишь и... Или тебе помогал папа твоего ребенка?

— Нет, папе я помогала. Он же решил стать режиссером — вот и сидел, мечтал. А я, так получилось, как только поставила первый раз ногу на съемочную площадку, так с нее и не сходила больше. Снималась в кино, было очень много рекламы. Даже, знаешь, на девятом месяце когда была, снималась в рекламном ролике колготок, в образе Евы. А через 12 дней после родов опять была на съемочной площадке.

— Как ты себе находила работу?

— Сначала я нашла себе агента, а дальше работу искал он. На каких-то съемках я впервые услышала слово "агент". Стала спрашивать — что и как, оказалось, что здесь у всех есть свои агенты: агенты у актеров, агенты у моделей. Для каждой профессии — свой агент. Мне сказали, что я должна найти себе агента по рекламе. Я тут же пошла в агентство, и меня сразу послали на какой-то кастинг. В общем, работа пошла. Но через два с половиной месяца я опять забеременела.

— И?

— И все равно продолжала работу. На пятом месяце меня пригласили на рекламу йогуртов. Съемки были в Аргентине, в настоящей глуши на границе. На какой-то там день съемом один из ассистентов мне говорит: "Ты беременна?" Я в шоке: кто сказал, как узнал? А он: "Да вижу, — говорит, — как ты печенье ешь, по коже твоей вижу... Сколько?" — "Пять месяцев", — говорю. Он сильно удивился: "Пять месяцев? И у тебя нет живота? Значит, ты не любишь своего ребенка! Значит, ты с ним не общаешься!" Вернулась я в гостиницу, четыре дня общалась с животом, и через пять дней он вырос. Я прихожу на съемку, а на мне платье не сходится, которое еще вчера свободным было. Режиссер кричит: "Не давайте ей больше есть йогуртов! Она уже обожралась их так, что живот некуда девать!" Но все-таки сняли мы тогда ролик. А сегодня я думаю: зачем я, беременная, поехала черт знает куда, в какую-то глушь, самолетами-вертолетами, чтобы сниматься в тонком легком платье при нуле градусов?

Но у меня и был люкс. Люкс независимости. Когда ты не зависишь ни от мужчин, ни от свекрови, ни от родителей. Именно тогда я поняла: я доказала. Я доказала всем и себе, что могу быть самостоятельной и независимой в чужой стране.

Здесь надо бы сделать лирическое отступление. На покореженные первые вершины у Маши ушло два года, после чего начался совершенно иной этап. Этап популярности. Была во Франции несколько лет назад одна известная передача обо всем и ни о чем. Каждый день в 19.00 все страна рассаживалась перед телевизором и полтора часа не переключалась с первой кнопки. Прямой эфир, звезды, зрители, развлечения, репортажи, игры и... Маша. Не было ей равных на тот момент — Маше не давали прохода ни на улице, ни в магазине, ни даже за рулем собственного авто. Ее раздирали на части журналисты, а в газетных киосках всегда можно было найти Машины интервью сразу в нескольких изданиях. Правда, сама она не отдавала себе отчета в том, насколько велика и широка ее популярность в народе. Даже не внесла свой домашний телефон в "красный" секретный список на телефонной станции (о чем, впрочем, не раз жалела).

— Как получилось... Однажды мне позвонила приятельница и сказала: собирайся, идем на ТВ, там ведущих набирают. Я пришла. В полной уверенности, что меня все ждут, а меня спрашивают: "Занимались ли вы когда-нибудь телевидением?" Конечно нет, отвечаю. "Тогда зачем же вы пришли?" — "Так занимаюсь и пришла!" — говорю. Опять спрашивают: "О чем вы можете рассказать?" — "А о чем, — спрашиваю наглым образом, — вы хотите услышать?" Так, слово за слово, дали мне тему про иностранцев в Париже. И нужно было сидеть и рассказывать в камеру свой рассказ — это была имитация прямого эфира. Я смотрю — куча людей, все хотят стать ведущими, сидят, зубрят свои рассказы. И темы у всех такие серьезные: про биологию, космос. Думаю: "Как же я буду свои бредни рассказывать?" И тут меня вызывают. Захожу в студию, смотрю — все в "приемной комиссии" уже устали, кто-то сидит спит, кто-то рисует. Посмотрела я на того, кто рисует, и говорю: "Вам помочь или как? С вами все-таки женщина разговаривает!" Тут, конечно, все сразу проснулись, оживились... А через неделю я уже работала в программе. Правда, с зарплатой вышел один инцидент.

Мне сказали: "Мадам, так как вы пока ничего не умеете, будете на подвиге, объявлять номера телефонов и раздавать подарки". Я спрашиваю: "Сколько я буду за это получать?" И слышу какую-то смешную сумму. Что делать? Иду к финансовому директору и объясняю, что за такие деньги работать не хочу. Финансовый директор открещивается: все вопросы, мол, решает Дешаван (продюсер, телеведущий, начальник, босс, человек легендарный на французском ТВ). Я иду к Дешавану, объясняю ситуацию, а он в ответ говорит: "Да ты в своем уме, деточка? У меня стоит огромная очередь блондинок с пышной грудью, которые мечтают занять твои места!" — "Вот и берите тогда себе блондинку с большой грудью", — хлопнула дверью и ушла. Через три дня мне перезвонили: "Приходите! Начнем с малого, а там посмотрим!". Мне тогда и в голову не приходило, что люди борются за самые маленькие места на ТВ, слово иной раз лишний боится сказать!

— А почему ты ушла с ТВ?

— Передачу закрыли — она, как и всякая пе-

редача, в один прекрасный день изжила себя. Но как раз когда ее закрывали, я совершенно случайно встретила знакомого с ТВ — он делал музыкальную передачу и искал ви-джея, представлять клипы в прямом эфире. В тот момент я бросила папу своих детей, и, конечно, меня это предложение очень заинтересовало — как-никак стабильная зарплата. Меня взяли. А через два месяца я узнала, что там было 600 человек на место. Трудно было: вставать приходилось в пять утра, вести эфир с 7 до 9. Дети, как мне нянька рассказывала, одеваясь, подбегали к телевизору и докладывали: "Мам, я уже оделась, я уже позавтракала". Им два и три года было. Но я тогда мало их видела — вела передачу, много работала, снималась в короткометражках, в том же году я снялась в первом серьезном фильме. Роль хоть и небольшая, но очень я ею горжусь. Так и жила. А потом в моей жизни начался новый этап.

Как объяснить, не знаю. Однажды я задумалась: а что же дальше? Ну рекламы, ну ТВ, ну кино. А дальше-то что? Что я вообще сделала? Я поняла, что перестала совсем получать удовольствие от работы. Появилось ощущение, что я ничего не сделала. Ничего. Да, я училась в театральном, много работала и снималась. Но я переросла себя. И тогда я сказала себе: "Либо ты и дальше продолжайешь в том же духе и зарабатываешь деньги, либо меняешь весовую категорию". И пошла в специальный актерский профсоюз: молодым актерам он дает бесплатные стажировки в любой стране мира — ты можешь поехать в Японию в Театр теней или в Индию в Театр кукол. Я же выбрала Москву.

— Ты приехала, видимо, в совершенно другую страну.

— Ха! Я сначала даже не поняла, куда приехала — нищие, магазины, валюта... Бабушки, которые раньше могли убить за то, что куришь, стоят продавать сигареты. Поверить не могла: это была не та страна, о которой я знала. Но когда я приходила на лекции и слышала рассказ о Чехове, начинала громко рыдать. Хотела ли я остаться? Может быть. Я о чем тогда думала — я тогда думала, что, если в Париже в моей жизни не будет таких же профессионалов и фанатиков своей работы, значит, не имеет смысла оставаться в профессии. В общем, так и получилось: я вернулась во Францию и стала отказываться от "нехорошей" работы, отскаивала все, что мне не нравилось. Через три месяца я поняла, что сижу совсем без работы: то есть поняла, что хорошей работы у меня просто-напросто нет.

— Три месяца без работы? И отказываться от нее?

— Я очень нелегко отказывалась. Отказываться от работы в то время, когда люди ее ищут... Разве легко?

Год тот был ужаснейшим. У-жас-ней-шим. Так было плохо, что даже слез не было. И именно тогда я решила вернуться в Москву. "Ну чего я еще могу добиться?" — спрашивала я себя. Ведь все, чего я хотела, я всего добилась — всего, о чем мечтала. И только одна вещь смогла удержать меня от неосторожных решений — театр. Ты знаешь, театр был для меня немислимой высотой, высшей стадией мастерства и признания. Хотя, когда меня приглашали в театр, я всегда отказывалась, я ужасно боялась сцены: это в кино можно сделать сто дублей, а здесь ты вся на ладони, не скалтуришь, не продублируешь. О сцене я не переставала мечтать. И в тот момент, когда я совсем уже отдавала концы, свалилась пьеса.

— Все в твоей жизни "случайно", "неожиданно", "вдруг".

— А это, Вика, закон жанра. В моей жизни все именно так и случается. Я пришла подписывать контракт на телефильм и встретила знакомую актрису. Она кинулась ко мне: "Маша, куда же ты пропала, я уже весь Париж на ноги поставила, все тебя ищут! В театре есть роль как раз для тебя, сегодня же звони режиссеру!" В процессе выяснилось, что мне нужно заменить одну актрису, которая, кажется, в декрет уходила. А моей предполагаемой героине 20 лет. Ой, как я плакала! Ведь я всю жизнь мечтала о том дне, когда шагну на сцену, но никогда я не думала, что именно в этот день окажусь слишком старой. Мне почти 30, а здесь 20-летняя девушка с косичками. Да еще на тот момент, представь, на кого я, в депрессии своей, была похожа: улыбаться совсем не научилась, волосы на голове всех цветов радуги, под глазами синяки — ха, самое оно для 20-летней героини. На следующий день, за два часа до встречи с режиссером, я полетела в салон: перья, маски, макияж. Прихожу, меня ждет режиссер, директор театра и ассистент, спрашивают: "Ну что, готова? Вот текст, учи!" Текст-то я взяла, но наутро улетела на две недели на съемки. Да так расстроилась: думаю, разве меня кто будет ждать две недели, разве я смогу выучить столько текста, разве я вообще способная? А вернувшись, не смогла заставить себя позвонить режиссеру и пойти в театр — правда, ну кто меня там ждал? Звоню своему другу Пьеру Сантини (известнейший французский театральный актер), он был на фестивале в Авиньоне, кричу в трубку: "Что делать? Бойюсь! Не могу!". Он все бросил, примчался в Париж, взял меня за руку и потащил в театр. Приходим, я вся затюканная, робко спрашиваю: "Какой кусок вам показать?" А мне: "Какой кусок? Уже работать нужно, мы же тебя под эту роль и брали, мы же тебя давно видели". Сделали мы несколько репетиций, а однажды захожу в гримерку и вижу — везде стоят огромные букеты: "Для Маши". И тут я понимаю, что на грим мне остается 20 минут — цветы во Франции дарят до премьеры.

Что я испытывала? Я знала только, что текст я не помню, ничего не понимаю и не могу произнести ни слова. Я задыхалась, пила валерьянку, была в ужасе. Я даже не помню, как меня вывихнули пинками под зад на сцену. И ты знаешь — ни одной ошибки! В конце пьесы зал стоял. Сказали: благодаря тебе, Маша, потому что до того, как тебя ввели, подобное было всего один раз — на премьере. Успех произошел, конечно, благодаря мне — но только потому, что все, абсолютно все были напряжены, никто же не знал, во что мой дебют в уже обкатанной пьесе выльется. В тот день первый раз в жизни я по-настоящему была счастлива. Теперь со спокойной совестью могу сказать, что сделала в жизни что-то важное. Наша пьеса номинирована на премию Мольера. И я очень горжусь, ведь я тоже к этому причастна. Кстати, как только я стала играть в театре, предложения буквально посыпались. Что из этого получится? Ой, не знаю...

Да получишься уже, Маша! Получилась! В мае она, как "молодая актриса до 30 лет", едет в Канны со своим фильмом. О чем фильм? О любви. О любви холодной буржуазной женщины и агента недвижимости, которые, осматривая апартаменты за апартаментами, влюбляются друг в друга: в каждой квартире — свой фантазм. Сценарий писал и снимал известный скандальный режиссер. Мало не покажется.

Бывший Машин муж и его мама в прекрасных отношениях с Машей. Благодаря этой русской девушке, познакомившей "красавца-француза-художника" с нужными людьми, он теперь работает в Голливуде: он, как компьютерный художник (говорят, очень талантливый), делал все части "Матрикс", а сейчас его пригласили на работу Спилберга. Машины дети (им 7 и 8 лет) вообще снимаются в кино, а их папа очень успешно работает как режиссер.

— У меня сильный характер. И воспитание — спасибо родителям. Понимаешь, я живу по принципу, заложенному мамой и папой: нужно верить — верить в себя и в то, что ты делаешь.

Такая она, Маша.

Наша.

И не наша.

Вика САРЫКИНА,
Париж—Москва.